

Архивоведение и документоведение: история, теория, практика

УДК 930.25(470-25)

DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-4-151-165

Московский главный архив Министерства иностранных дел в середине XIX в. и его сотрудники

Олег Г. Санин

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, osanin@mail.ru*

Аннотация. В статье анализируется история деятельности Московского главного архива Министерства иностранных дел в середине XIX в. Этот период в истории архива в целом слабо изучен в отечественной исторической науке. Вместе с тем в середине XIX в. происходило довольно интенсивное развитие архива как крупного научного центра по изучению отечественной истории, продолжали развиваться заложенные ранее традиции в хранении и описании архивных документов. Это было в значительной степени связано с проводимой в архиве кадровой политикой, направленной на привлечение к архивной работе молодых и образованных сотрудников. Под руководством управляющего архивом князя М.А. Оболенского в архиве продолжала развиваться интенсивная научно-публикаторская деятельность. В статье изложены особенности подбора кадров для архива, раскрыты научные достижения его некоторых сотрудников (М.А. Оболенского, В.М. Ундольского, П.А. Бессонова, А.Н. Афанасьева, П.И. Бартенева, А.Е. Викторова, Н.В. Калачова). Вместе с тем в статье показано, как ужесточение внутренней политики при Николае I, особенно в конце его правления, оказывало влияние на деятельность архива и судьбу его сотрудников.

Ключевые слова: Московский главный архив Министерства иностранных дел, научно-публикаторская деятельность, М.А. Оболенский, В.М. Ундольский, П.А. Бессонов, А.Н. Афанасьев, П.И. Бартнев, А.Е. Виктор, Н.В. Калачов, кадровая политика

Статья поступила в редакцию 10 февраля 2025 г.;
принята к публикации 2 июня 2025 г.

© Санин О.Г., 2025

Для цитирования: Санин О.Г. Московский главный архив Министерства иностранных дел в середине XIX в. и его сотрудники // История и архивы. 2025. Т. 7. № 4. С. 151–165. DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-4-151-165

The Moscow Main Archives of the Ministry of Foreign Affairs in the mid-19th century and its staff

Oleg G. Sanin

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, osanin@mail.ru*

Abstract. The article analyzes the history of the activities of the Moscow Main Archives of the Ministry of Foreign Affairs in the mid-19th century. That period in the history of the Archives as a whole is generally underresearched in Russian historical science. At the same time, in the mid-19th century, there was a fairly intensive development of the Archives as a major scientific center for the study of Russian history, and the previously established traditions of the storage and description of archival documents continued to develop. That was largely due to the personnel policy pursued in the Archives, aimed at attracting young and educated employees to archival work. With the guidance of the Archives manager, Prince M.A. Obolensky, the institution continued to develop a fairly intensive scientific publishing activity. The article describes specifics in the personnel selection for the Archives, reveals the scientific achievements of some of its employees (M.A. Obolensky, V.M. Undolsky, P.A. Bessonov, A.N. Afanasyev, P.I. Bartenev, A.E. Viktorov, N.V. Kalachov). Along with that, the article shows how the tightening of the Interior policy under Nicholas I, especially at the end of his reign, influenced the activities of the Archives and the fate of its employees.

Keywords: Moscow Main Archives of the Ministry of Foreign Affairs, scientific publishing activities, M.A. Obolensky, V.M. Undolsky, P.A. Bessonov, A.N. Afanasyev, P.I. Bartenev, A.E. Viktorov, N.V. Kalachov, personnel policy

The article was submitted for publication 10.02.2025;
accepted for publication 02.06.2025.

For citation: Sanin, O.G. (2025), "The Moscow Main Archives of the Ministry of Foreign Affairs in the mid-19th century and its staff", *History and Archives*, vol. 7, no. 4, pp. 151–165, DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-4-151-165

Введение

Середина XIX в. (1840–1850-е гг.) стала достаточно важным этапом в развитии Московского главного архива Министерства иностранных дел (МГАМИД) – первого ведомственного исторического архива страны, ставшего, по словам барона Ф.А. Бюлера, своеобразным «дедушкой русских архивов»¹. В конце XVIII – первой половине XIX в. под руководством видных историков и архивистов Г.Ф. Миллера, Н.Н. Бантыш-Каменского, А.Ф. Малиновского Московский архив коллегии иностранных дел (с 1834 г. – МГАМИД) стал одним из крупнейших центров развития отечественной архивной мысли и исторической науки.

При этом естественно возникает вопрос о том, как происходило дальнейшее развитие архива в последующий период, в частности в середине XIX в., насколько сильно на него повлияло бурное развитие отечественной исторической науки, а также бюрократизация государственного управления и ужесточение внутренней политики при Николае I, особенно в период так называемого «мрачного семилетия» (1848–1855 гг.).

В целом в отечественной исторической науке история МГАМИД середины XIX в. изучена достаточно слабо. Имеются только отдельные исследования о научно-исследовательской и публикаторской деятельности управляющего архивом князя М.А. Оболенского [Бухерт 1996]. Можно отметить также обобщающие труды по истории отечественного архивного дела и архивоведческой мысли России [Санин 2025; Хорхордина 2003; Хорхордина 2012]². Отдельные отрывочные сведения можно найти в исследованиях по истории Российского государственного архива древних актов³. Есть также и отдельные труды по научно-публикаторской деятельности некоторых других сотрудников архива, ставших впоследствии видными учеными (В.М. Ундольского, П.А. Бессонова, А.Е. Викторова, А.Н. Афанасьева, П.И. Бартенева и др.) [Зайцев 2001; Строковская 2008].

¹ Бюлер Ф.А. Московский главный архив МИД и его прежние посетители // Сборник Московского главного архива Министерства иностранных дел. Вып. 3–4. М.: Издательские архивы, 1888. С. 57.

² См. также: Самошенко В.Н. Исторические архивы дореволюционной России. М., 1986; Он же. История архивного дела в дореволюционной России. М., 1989. 215 с.; Хорхордина Т.И. История архивов и архивного дела в России. М., 2022. 626 с.

³ Автократова М.И., Буганов В.И. Сокровищница документов прошлого. М.: Советская Россия, 1986. 336 с.

*Князь М.А. Оболенский и сотрудники МГАМИД
в середине XIX в.*

Смерть А.Ф. Малиновского в ноябре 1840 г. подвела своеобразный итог предыдущему периоду в развитии архива. На его место 21 декабря 1840 г. был назначен князь Михаил Александрович Оболенский, возглавлявший архив до 1873 г.⁴ Представитель знатной дворянской фамилии в мидовский архив пришел в 1833 г. и стяжал себе имя, которое по выражению историка Н.И. Костомарова, «останется надолго памятным в летописях отечественной науки»⁵.

Изучение архивных документов из фонда РГАДА «Канцелярия МГАМИД» (ф. 180), мемуаров и отдельных статей позволяет сделать вывод о том, что в деятельности князя М.А. Оболенского как руководителя архива было своеобразное сочетание чиновника-бюрократа Николаевской эпохи и ученого-публикатора, много сделавшего для научного исследования и публикации документов.

Став в конце 1840 г. руководителем архива, М.А. Оболенский буквально тут же, как бывший военный офицер, начал укреплять в МГАМИД принципы жесткого единоначалия. При нем даже двор архива стал напоминать важное «присутственное место». Новый руководитель принялся активно искоренять прежние «демократические формы» управления, характерные для А.Ф. Малиновского. Известный в будущем писатель С.М. Загоскин (сын знаменитого М.П. Загоскина, автора романа «Юрий Милославский»), служивший в архиве с 1849 по 1855 г., вспоминал, как он был «удивлен и озадачен торжественным, важным и грозным видом» Оболенского в архиве, напоминавшем «какого-то недосыгаемого, свирепого юпитера, облаченного в вицмундир министерства иностранных дел».⁶

Несмотря на эти, неудивительные для того времени, странности, деятельность М.А. Оболенского в целом положительно сказалась на архиве. В результате проведенной при нем реорганизации архив был поделен на два отделения: первое, занимавшееся хозяйственными делами, и второе, в ведении которого был разбор древних документов и дел, поступавших из Петербургского архива, а также переводы. Кроме того, в архиве были два архивариуса,

⁴ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 180. Оп. 7. Д. 9. Л. 4.

⁵ Князь Михаил Андреевич Оболенский // Костомаров Н.И. Земские соборы: Исторические монографии и исследования. М.: Чарли, 1995. С. 620.

⁶ Воспоминания С.М. Загоскина // Исторический вестник. 1900. Т. 79. С. 501–502. URL: <https://archive.org/details/vospominaniia00zagouoft/page/500/mode/2up> (дата обращения: 27.05.2025).

библиотекарь и Комиссия печатания государственных грамот и договоров ⁷.

Помимо успешной реорганизации внутреннего управления архива, М.А. Оболенский произвел и пересистематизацию хранения документов. Архив был «разделен по периодам времени на три разряда: I – архив древний, содержащий в себе бумаги с 1265 по 1700 г.; 2 – архив старых дел с 1700 по 1762 г.; 3 – архив новых дел с 1762 по 1796 г. и частично по 1801 г.»⁸. Данная схема систематизации не вносила ничего принципиально нового по сравнению с уже сложившейся ранее системой хранения и касалась в первую очередь недавно поступивших документов за вторую половину XVIII в. Здесь же уместно отметить, что М.А. Оболенский был противником предметно-тематической схемы систематизации Г.Ф. Миллера и, по сути, являлся сторонником хранения документов по принципу происхождения [Санин 2025, с. 292–293].

Главной задачей своей деятельности в архиве М.А. Оболенский считал в первую очередь тщательную организацию хранения документов и «бережное хранение архивских сокровищ» [Хорхордина 2003, с. 160; Бухерт 1996, с. 163]. Подобная точка зрения приводила к крайней, подчас даже излишней осторожности в использовании документов. По мнению Т.И. Хорхординой, это было вызвано публикацией в 1848 г. в «Чтениях Императорского общества истории и древностей российских» знаменитых «Записок Флетчера» [Хорхордина 2003, с. 160]. Перевод этого сочинения был в основном выполнен в 1845–1846 гг. первым переводчиком архива, титулярным советником Д.И. Гиппиусом⁹. Однако против этой публикации категорически выступил министр народного просвещения граф С.С. Уваров. В результате по личному распоряжению Николая I это издание было запрещено, напечатанные экземпляры помещены на закрытое хранение в университетскую библиотеку, разосланные по подписке экземпляры возвращены Обществу. Секретарь Общества О.М. Бодянский был отправлен в ссылку в Казань, а деятельность самого Общества стала подвергаться более жесткой цензуре¹⁰.

Эта история в конечном счете заставила кн. М.А. Оболенского более осторожно подходить к публикации исторических документов. В результате работавший в МГАМИД в 1853–1858 гг. П.И. Бартенев (будущий известный издатель архивных документов, редактор журнала «Русский архив») вспоминал об Оболенском: «Бумаги

⁷ Там же. С. 499.

⁸ РГАДА. Ф. 31: Канцелярия Госархива. Оп. 1. Д. 13. Л. 157 об.

⁹ Там же. Ф. 180. Оп. 7. Д. 444. Л. 1.

¹⁰ Белокуров С.А. Дело Флетчера: 1848–1864. М.: Имп. О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1910. С. 14. См. также: [Карацуба 2007].

у него делились на секретные, секретнейшие и тайне подлежащие» [Хорхордина 2012, с. 110].

Охрана и систематизация документов являлись только одной стороной архивной деятельности М.А. Оболенского. В нем постоянно существовал, с одной стороны, чиновник и администратор, с другой стороны, исследователь и публикатор. Именно при нем с 1840-х гг. в архиве отсутствовало деление документов на секретные и несекретные, а сам архив, по воспоминаниям современников, стал своеобразным «клубом для историков»¹¹. При нем с января 1863 г. на МГАМИД были распространены принятые по инициативе канцлера А.М. Горчакова «Правила для допущения к занятиям» в Государственном архиве МИД, в соответствии с которыми исследователи допускались к работе с разрешения не только царя, но также канцлера и вице-канцлера. Документы до 1762 г. предоставлялись исследователям безо всяких ограничений¹². При этом сам М.А. Оболенский всячески подчеркивал необходимость открытия для исследователей максимально большего количества источников, что отразилось и на значительном росте количества исследователей, посещавших МГАМИД в 1860-х гг.

Активная научно-публикаторская работа требовала пополнения штата архива молодыми и образованными выпускниками Московского университета, а также представителями знатного московского дворянства из числа так называемых «архивных юношей». При этом надо сказать, что количество «архивных юношей» в МГАМИД постепенно сокращалось. Если по штатам 1802 г. в архиве числилось 102 человека, среди которых преобладали юнкера и переводчики, то теперь по штатам, утвержденным в мае 1849 г., в архиве служили не более 50 человек. В первую очередь сокращались должности юнкеров и переводчиков, на которых служили «архивные юноши»¹³. Среди немногих оставшихся «архивных юношей» можно отметить будущего видного общественного деятеля эпохи «великих реформ», одного из разработчиков крестьянской реформы 1861 г., А.М. Унковского, и дипломата, близкого к балакиревскому кружку Н.И. Лодыженского, о котором Н.А. Римский-Корсаков отзывался, что он был одарен «сильным, чисто лирическим композиторским талантом». Основную работу в архиве вели его рядовые сотрудники, вышедшие из среды мелкопоместного дворянства, священников или разночинцев.

Несмотря на сокращение штатов, в МГАМИД по-прежнему работали многие личности, внесшие огромный вклад в развитие

¹¹ Самошенко В.Н. Указ. соч. С. 31.

¹² РГАДА. Ф. 180. Оп. 7. Д. 2411. См. также: [Санин 2025, с. 306].

¹³ Там же. Д. 900. Л. 1–5.

русской истории, культуры и архивного дела. Для поступавших на службу в архив молодых людей М.А. Оболенский устраивал испытательный срок, который продолжался от двух недель до трех месяцев. За это время будущий чиновник упражнялся в переводах документов на иностранных языках, а также в переписывании набело исходящей из архива документации. По окончании испытания он подавал прошение на имя управляющего о зачислении в архив¹⁴. К прошению прикладывались аттестат о прошлой службе и учебе, формулярные списки, документы, подтверждавшие дворянское происхождение, и выписки из метрической книги. Управляющий предоставлял все эти документы в Департамент хозяйственных и счетных дел министерства, которые затем препровождались на утверждение лично министру иностранных дел. Только после этого молодой чиновник мог быть официально зачислен на службу. Сразу после зачисления новый архивист принимал присягу в находящейся неподалеку от архива церкви Святой Живоначальной Троицы в Хохлах, а также заполнял специальную подписку о непринадлежности к тайным обществам. Особенности оформления новых сотрудников на работу в архив наиболее заметны при рассмотрении дела о зачислении в МГАМИД в 1846 г. Н.В. Калачова¹⁵. Надо сказать, что жизнь архивного чиновника в МГАМИД в это время была достаточно сильно забюрократизирована. Любые повышения в службе, получение нового чина официально проводились через указы императора, при этом чиновники обязательно давали в церкви новую присягу. Даже для вступления в брак архивный чиновник должен был испросить разрешение начальства¹⁶.

Данные бюрократические сложности тем не менее не мешали пополнению архива талантливыми сотрудниками, многие из которых внесли весомый вклад в отечественную науку.

Среди них можно отметить Вукола Михайловича Ундольского (1816–1864 гг.) – известного археографа и библиографа, собирателя и исследователя памятников древнерусской письменности и старопечатных книг, автора первой публикации «Задонщины» (1852 г.)¹⁷. Сын владимирского священника, он в 1836–1840 гг. учился в Московской духовной академии, где проявил способности библиографа и внимательного исследователя, изучая рукописи из академической библиотеки и библиотеки Троице-Сергиевой лавры [Строковская 2008, с. 16].

¹⁴ Воспоминания С.М. Загоскина... С. 497–498.

¹⁵ РГАДА. Ф. 180. Оп. 7. Д. 498. Л. 1–17.

¹⁶ Там же. Д. 166, 1108, 2034.

¹⁷ Отдел Рукописей РГБ. Ф. 310: Собрание рукописных книг В.М. Ундольского. Оп. 1. Д. 632. Л. 169 об. – 193.

Там же в Академии состоялось знакомство Вукола Михайловича с управляющим МГАМИД князем М.А. Оболенским, в результате которого М.А. Оболенский пригласил его в архив и предоставил молодому ученому широкие возможности для продолжения исследований. В результате 16 апреля 1842 г. В.М. Ундольский был принят в архив в Комиссию печатания государственных грамот и договоров на вакантную должность переводчика для переписывания с иностранных языков¹⁸. Чуть позже, 29 октября 1842 г., он был утвержден в чине губернского секретаря¹⁹, а в 1843 г. получил чин коллежского советника и был зачислен на должность младшего архивариуса во 2-е отделение архива²⁰. Занятия в архиве В.М. Ундольский совмещал с активной научной деятельностью. Им был подготовлен капитальный труд «Исследования о церковнославянских хронографах», составлены описания рукописей различных собраний и хранилищ Москвы, указатель славяно-русских книг церковной печати с XV по XIX в.²¹ Успешная работа В.М. Ундольского была вскоре признана и в научном сообществе. В 1846 г. он стал действительным членом Императорского общества истории и древностей российских при Московском университете²².

Несмотря на скудость средств, Ундольский собрал одну из самых знаменитых коллекций древнерусских рукописей, начало которой было положено еще до прихода на службу в архив. С этим собирательством, как передают современники, связан и конец его архивной службы. По воспоминаниям современников, Вукол Михайлович нередко поддразнивал князя Оболенского, тоже заядлого коллекционера, но далеко не так свободно разбиравшегося в древностях. Принесет князь в архив новую покупку и похвастается, что за такую замечательную рукопись заплатил всего, положим, 200 рублей. Посмотрит ее Ундольский и хладнокровно скажет: «Более 15 рублей я бы не дал». Это выводило князя из себя. Подобные сцены, часто повторявшиеся, и привели к взаимной неприязни.

¹⁸ РГАДА. Ф. 180. Оп.7. Д. 120. Л. 1–1 об., 6.

¹⁹ Там же. Л. 17.

²⁰ Там же. Д. 235. Л. 2.

²¹ *Куник А.А.* Разбор рукописного сочинения г. Ундольского под заглавием «Исследования о церковнославянских хронографах. Т. 1: О современнике Георгия Амартола в отношении к Несторовой летописи» // Двадцать пятое присуждение учрежденных П.Н. Демидовым наград. СПб., 1856. С. 71–84 (извлечение из рецензии А.А. Куника на труд Ундольского напечатано: Журнал Министерства народного просвещения. 1856. Ч. 91); *Ундольский В.М.* Очерк славяно-русской библиографии. М.: Московский Публичный и Румянцевский музеи, 1871. 388 с.

²² РГАДА. Ф. 180. Оп. 7. Д. 590. Л. 2.

В результате в конце 1847 г. В.М. Ундольского обвинили в редком хождении на службу²³. В следующем, 1848 г. он перешел на службу в Московский государственный архив старых дел²⁴.

Непростой характер М.А. Оболенского сказывался и на службе других талантливых сотрудников архива. Среди них можно отметить Александра Николаевича Афанасьева (1826–1871), издателя сказок и легенд русского народа, историка-литературоведа и фольклориста. В 1843–1848 гг. он учился на юридическом факультете Московского университета, где занимался научной работой под руководством К.Д. Кавелина, активно сотрудничал в либеральных журналах «Современник» и «Отечественные записки». В МГАМИД он поступил в ноябре 1849 г., оказавшись сразу на должности столоначальника в чине коллежского секретаря²⁵. В следующем году получил чин титулярного советника. В 1855 г. получил должность начальника 1-го отделения, а вскоре в 1857 г. стал правителем дел в Комиссии печатания государственных грамот и договоров²⁶. О высоком доверии управляющего архивом кн. М.А. Оболенского к А.Н. Афанасьеву говорит тот факт, что он исполнял функции заведования архивом на время вынужденных отлучек и командировок М.А. Оболенского²⁷. С 1859 г. Афанасьев имел чин надворного советника. Занимаясь изучением истории русской литературы, он писал статьи в журналах «Современник» и «Отечественные записки», был постоянным автором издававшегося Н.В. Калачовым «Архива историко-юридических сведений о России», являлся одним из русских корреспондентов А.И. Герцена. Связь с Герценом в конечном счете привела к завершению успешной деятельности А.Н. Афанасьева в архиве. В начале 1862 г. он встретился с нелегально приехавшим в Москву представителем А.И. Герцена революционером В.И. Кельсиевым. После этого в квартире Афанасьева был произведен обыск, а сам он был привлечен по делу «О лицах, обвиняемых в сношениях с лондонскими пропагандистами» и уволен со службы по распоряжению министра иностранных дел А.М. Горчакова²⁸. Примечательно, что в течение 1857–1862 гг. сам М.А. Оболенский довольно регулярно выписывал журнал А.И. Герцена «Колокол» в библиотеку МГАМИД.

10 лет проработал в архиве Михаил Петрович Полуденский (1829–1868), известный библиограф, историк русской культуры.

²³ Там же. Д. 661. Л. 2.

²⁴ Там же. Д. 764. Л. 2

²⁵ Там же. Д. 922. Л. 2.

²⁶ Там же. Д. 1759. Л. 1

²⁷ Там же. Д. 1621. Л. 2.

²⁸ Там же. Д. 2387. Л. 2.

В 1849 г. он закончил историко-филологический факультет Московского университета и был зачислен на службу в МГАМИД в чине губернского секретаря вместе с С.М. Загоскиным, с которым, по воспоминаниям последнего, тесно подружился. С.М. Загоскин вспоминал, что Полуденский был «высокого роста, чрезвычайно худой, некрасивый, с рыжеватыми волосами, он, походил более на англичанина, чем на русского, но под этою ... холодною наружностью у него было теплое русское сердце, преисполненное любви к родине и к своему ближнему. ... Полуденский не любил общества, был серьезен, и не только многосторонне образован, но и учен»²⁹. Его научные интересы сосредоточивались преимущественно на изучении литературы, общественной мысли, народных движений XVIII в. В 1851 г. он был назначен помощником столоначальника в Комиссию печатания государственных грамот и договоров³⁰. Вместе с А.Н. Афанасьевым в 1858 г. организовал издание журнала «Библиографические записки», где был постоянным автором и редактором. Так как в то время служащим в архиве не позволялось выступать в качестве издателей, то «Библиографические записки» выходили без имен Афанасьева и Полуденского. Вероятно, это послужило причиной ухода М.П. Полуденского из архива в 1860 г. и его последующего перехода на должность одного из секретарей Московской дворцовой конторы³¹.

Нельзя не отметить службу в МГАМИД и будущего издателя знаменитого журнала «Русский архив» Петра Ивановича Бартенев (1829–1912). Закончив в 1851 г. с золотой медалью историко-филологический факультет Московского университета, он получил степень кандидата. Известный российский историк, профессор Московского университета С.М. Соловьев, много работавший с документами МГАМИД и хорошо лично знавший М.А. Оболенского, рекомендовал ему талантливого выпускника³².

В результате П.И. Бартечев в 1854 г. был определен в МГАМИД на должность столоначальника в Комиссию печатания государственных грамот и договоров³³. Результатом этой работы стала подготовка и издание в 1856 г. «Собрания писем царя Алексея Михайловича». Именно в МГАМИД у него сформировался интерес к документам эпохи правления Екатерины II. Это привело

²⁹ Воспоминания С.М. Загоскина... С. 503.

³⁰ РГАДА. Ф. 180. Оп. 7. Д. 950. Л. 3–4.

³¹ Там же. Д. 2150. Л. 3.

³² *Бартечев П.И.* Воспоминания / публ. А.Д. Зайцева // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М., 1994. Т. 1. С. 93.

³³ РГАДА. Ф. 180. Оп. 7. Д. 1351. Л. 5; Д. 1501. Л. 3.

к ухудшению его отношений с М.А. Оболенским, который ревниво относился к научным успехам своих подчиненных и не приветствовал интерес к документам относительно недавней истории. Впоследствии П.И. Бартенев писал в своих «Воспоминаниях»: «статс-секретарь Гамбургер сказывал мне, что Оболенский прислал к князю Горчакову письмо с жалобой на мое имя и на Сергея Михайловича Соловьева, что мы в наших трудах позволяем себе ссылаться на перлюстрации, хотя относящиеся к временам Елизаветинским. К концу своего служения князь Оболенский сделался несносен»³⁴. Вероятно, непростые отношения с М.А. Оболенским, негласный запрет на самостоятельную редакторскую деятельность для сотрудников архива привели к увольнению П.И. Бартевева в начале 1858 г.³⁵ Еще одной причиной увольнения П.И. Бартевева из архива, по мнению А.Д. Зайцева, могло быть стремление продолжить обучение за границей, а также стремление к личному знакомству с А.И. Герценом [Зайцев 2001, с. 32–35].

Безусловно, служба в архиве способствовала формированию у П.И. Бартевева навыка научно-исследовательской и архивной работы. Именно там у него формируется четкое представление о том, что для исправления неточностей и неясностей в исторической науке необходимо публиковать не только «древности», но и документы относительно недавней истории XVIII в., особенно эпохи Екатерины II. В конечном счете все это привело его к созданию в 1863 г. знаменитого научно-публикаторского журнала «Русский архив».

Среди других сотрудников МГАМИД также можно отметить видного фольклориста, филолога и знатока славянских языков Петра Алексеевича Бессонова (1828–1898). Выпускник историко-филологического факультета Московского университета, близкий друг П.И. Бартевева, он 20 декабря 1855 г. был зачислен помощником столоначальника Комиссии печатания государственных грамот и договоров, избран действительным членом Императорского общества истории и древностей российских. Однако служба его продлилась в архиве недолго. Сказались довольно непростые отношения с управляющим архивом кн. М.А. Оболенским. Позднее в Предисловии к своей невыпущенной работе о Юрии Крижаниче П.А. Бессонов прозрачно намекал на то, что управляющий архивом часто присваивал себе результаты трудов своих подчиненных³⁶. В конечном счете П.А. Бессонов, как и многие другие талантливые сотрудники, был вынужден покинуть МГАМИД, и 30 августа

³⁴ *Бартенев П.И.* Указ. соч. С. 94.

³⁵ РГАДА. Ф. 180. Оп. 7. Д. 1934. Л. 2–2 об.

³⁶ *Белокуров С.А.* Указ. соч. С. 4–5.

1857 г. он был переведен на должность старшего советника Московской Синодальной типографии³⁷.

Во многом сходная судьба в МГАМИД сложилась и у другого видного историка, архивиста, библиографа Алексея Егоровича Викторова (1827–1883). Закончив в 1850 г. Московскую духовную академию и получив степень кандидата, он в 1852 г. был зачислен в МГАМИД на должность младшего архивариуса³⁸. Одновременно в 1852–1858 гг. он разбирал славянские рукописи патриаршей ризницы и библиотеки, а также с 1856 г. преподавал русский язык и литературу в Мариинско-Ермоловском женском училище. Вскоре после увольнения П.И. Бартенева в начале 1860 г. он был назначен на должность столоначальника в Комиссию печатания государственных грамот и договоров³⁹. Однако служба на этой должности оказалась недолгой. Уже в конце 1861 г. А.Е. Викторов перевелся на должность помощника библиотекаря в Московском университете⁴⁰. Очевидно, причиной этого могли быть также довольно непростые отношения с кн. М.А. Оболенским. Во всяком случае, П.А. Бессонов впоследствии писал, что многие действия князя в отношении сотрудников архива «желчный Викторов... сравнивал с операцией паука»⁴¹.

Отдельно нужно остановиться на службе в архиве выдающегося российского историка-архивиста, будущего организатора и теоретика архивного дела в России Николая Васильевича Калачова (1819–1885). Согласно поданному при зачислении в архив прошению, Н.В. Калачов в 1836–1840 гг. учился на юридическом факультете Московского университета и в 1840 г. получил звание кандидата. После этого он был зачислен младшим помощником столоначальника в Министерство народного просвещения. Одновременно был откомандирован для занятий по собиранию и публикации документов в Археографическую комиссию. 10 января 1846 г. Н.В. Калачов подал прошение на имя кн. М.А. Оболенского о зачислении в МГАМИД. В результате 7 марта 1846 г. он был официально зачислен на должность библиотекаря⁴². В его задачу входило под наблюдением князя М.А. Оболенского списывание «документов исторического достоинства, относящихся до гражданского управления и администрации и принадлежащих к первым годам царствования Алексея Михайловича», а также дел

³⁷ РГАДА. Ф. 180. Оп. 7. Д. 1830. Л. 3.

³⁸ Там же. Д. 1149. Л. 3–4.

³⁹ Там же. Д. 2190. Л. 4.

⁴⁰ Там же. Д. 2237. Л. 5.

⁴¹ Белокуров С.А. Указ. соч. С. 6.

⁴² РГАДА. Ф. 180. Оп. 7. Д. 498. Л. 1–1 об., 7–9, 14.

Посольского приказа⁴³. Впоследствии собранные и обработанные Н.В. Калачовым документы были изданы в III томе «Дополнений к актам историческим»⁴⁴. Кроме того, в 1847–1848 гг. он совместно с М.А. Оболенским разработал план издания Московским обществом истории и древностей российских записок иностранцев о России (С. Герберштейна, Дж. Флетчера, А. Олеария и др.). В апреле 1848 г., посылая экземпляры этого издания А. Ф. Бычкову, князь Оболенский писал: «в этом издании принимают живое и деятельное участие ваш старый товарищ Н.В. Калачев и другие молодые люди, любящие науку и занятия»⁴⁵.

Работа в архиве и публикаторский труд успешно сочетались у Н.В. Калачова и с научно-педагогической деятельностью. После защиты в Московском университете диссертации на тему «Исследования о “Русской правде”» 17 апреля 1847 г. он был утвержден в степени магистра гражданского права⁴⁶, а также зачислен в действительные члены Общества истории и древностей российских при Московском университете⁴⁷. Успешно шла и его служебная карьера. В том же году Н.В. Калачову был присвоен чин титулярного советника⁴⁸.

Служба Н.В. Калачова в МГАМИД в качестве библиотекаря оказалась недолгой. После отставки его университетского учителя К.Д. Кавелина 14 мая 1848 г. Н.В. Калачов получил в университете должность экстраординарного профессора⁴⁹. Успешно совмещать работу в архиве, Археографической комиссии и преподавательскую деятельность в Московском университете было практически невозможно. В результате началась оживленная бюрократическая переписка, завершившаяся окончательным увольнением Н.В. Калачова 26 января 1849 г.⁵⁰ Можно добавить, что уходу Н.В. Калачова из архива также способствовал возникший тогда же описанный выше скандал, связанный с публикацией Обществом истории и древностей российских «Записок Дж. Флетчера», в подготовке которой он принимал активное участие.

В целом служба Н.В. Калачова в МГАМИД была недолгой. Но тем не менее она позволила ему хорошо изучить особенности

⁴³ Там же. Д. 572. Л. 1–3.

⁴⁴ Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. Т. 3. СПб., 1848. 572 с.

⁴⁵ Белокуров С.А. Указ. соч. С. 7.

⁴⁶ РГАДА. Ф. 180. Оп. 9. Д. 199. Л. 2, 9.

⁴⁷ Там же. Д. 200. Л. 1–2.

⁴⁸ Там же. Оп. 9. Д. 201. Л. 1–2.

⁴⁹ Там же. Д. 202. Л. 1–1 об.

⁵⁰ Там же. Л. 7.

организации работы архива и хранения в нем документов. Безусловно, Н.В. Калачов хорошо ознакомился с принципами работы Н.Н. Бантыш-Каменского, А.Ф. Малиновского и М.А. Оболенского, основанными на уважительном отношении к сложившимся группам документов (фондов). Кроме того, у него не могло не сложиться окончательно представление об архиве как в первую очередь научном учреждении и о том, что архивист может и должен быть одновременно и историком и публикатором. Впоследствии все эти идеи он успешно реализовал на посту руководителя Московского архива Министерства юстиции.

Заключение

Таким образом, на протяжении всей середины XIX в. МГАМИД сохранял в себе ярко выраженные черты важного правительственного учреждения, являвшегося составной частью бюрократического государственного аппарата Российской империи, с одной стороны, и крупного научно-публикаторского центра, занимавшегося публикацией и изучением документов российской истории, – с другой. Эти особенности архива наиболее четко заметны в деятельности его управляющего князя М.А. Оболенского, самым причудливым образом сочетавшего в себе важного чиновника-бюрократа и крупного историка и археографа. При этом нельзя не обратить внимания на то, что в архиве продолжали работать достаточно высокообразованные люди, представители интеллектуальной элиты московского общества, для многих из которых МГАМИД в конечном счете стал важным этапом на пути формирования их будущей блестящей научной карьеры.

Литература

- Бухерт 1996 – *Бухерт В.Г.* Археографическая деятельность князя М.А. Оболенского // Археографический ежегодник за 1994 г. М., 1996. С. 155–164.
- Зайцев 2001 – *Зайцев А.Д.* Петр Иванович Бартенев и журнал «Русский архив». М., 2001. 280 с.
- Карацуба 2007 – *Карацуба И.В.* Россия и Англия в зеркале книги Джайлса Флетчера: из истории общественного самосознания и национальных комплексов // Отечественные записки. 2007. № 5 (38). URL: <https://strana-oz.ru/2007/5/rossiya-i-angliya-v-zerkale-knigi-dzhaylsa-fletcher-a-iz-istorii-obshchestvennogo-samosoznaniya-i-nacionalnyh-kompleksov> (дата обращения: 04.03.2025).
- Санин 2025 – *Санин О.Г.* Дипломатические архивы дореволюционной России. М.: ИНФРА-М, 2025. 341 с.

- Строковская 2008 – *Строковская Т.Е.* История одного открытия // Научни трудове на Русенския Университет. 2008. Т. 47. Серия 9. С. 15–21.
- Хорхордина 2012 – *Хорхордина Т.И.* История архивоведческой мысли. М.: РГГУ, 2012. 448 с.
- Хорхордина 2003 – *Хорхордина Т.И.* Российская наука об архивах: История. Теория. Люди. М.: РГГУ, 2003. 525 с.

References

- Bukhert, V.G. (1996), “Archaeographic activity of Prince M.A. Obolensky”, *Arkheograficheskiy ezhegodnik za 1994 g.*, Moscow, Russia, pp. 155–164.
- Karatsuba, I.V. (2007), “Russia and England as reflected by Giles Fletcher’s book. From the history of public consciousness and national complexes”, *Otechestvennye zapiski*, vol. 38, no. 5, available at: <https://strana-oz.ru/2007/5/rossiya-i-angliya-v-zerkale-knigi-dzhaylsa-fletcher-a-iz-istorii-obshchestvennogo-samosoznaniya-i-natsionalnyh-kompleksov> (Accessed 4 March 2025).
- Khorkhordina, T.I. (2003), *Rossiiskaya nauka ob arkhivakh: Istoriya. Teoriya. Lyudi* [Russian science about archives. History. Theory. People], RGGU, Moscow, Russia.
- Khorkhordina, T.I. (2012), *Istoriya arkhivovedcheskoi mysli* [History of archival thought], RGGU, Moscow, Russia.
- Sanin, O.G. (2025), *Diplomatische arkhivy dorevolutsionnoi Rossii* [Diplomatic archives of pre-revolutionary Russia], INFRA-M, Moscow, Russia.
- Strokovskaya, T.E. (2008), “History of one discovery”, *Nauchni trudove na Rusenskiya Universitet*, vol. 47, series 9, pp. 15–21.
- Zaitsev, A.D. (2001), *Petr Ivanovich Bartenev i zhurnal «Russkii arkhiv»* [Petr Ivanovich Bartenev and the “Russian Archive” journal], Moscow, Russia.

Информация об авторе

Олег Г. Санин, кандидат исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; osanin@mail.ru;
ORCID ID: 0000-0002-4500-7322

Information about the author:

Oleg G. Sanin, Cand. of Sci. (History), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; osanin@mail.ru;
ORCID ID: 0000-0002-4500-7322